

Баранов Андрей Владимирович

доктор политических наук, доктор исторических наук,
профессор кафедры политологии
и политического управления
Кубанского государственного университета

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация:

В статье установлены основные причины и проявления терроризма, означены направления противодействия терроризму в республиках Северного Кавказа (с 2005 г. по настоящее время). Определены факторы эффективности противодействия терроризму на Северном Кавказе. Предложены рекомендации органам государственной власти Российской Федерации в сфере противодействия терроризму.

Ключевые слова:

терроризм, экстремизм, причина, направление противодействия, форма проявления, этносепагатизм, бедность, безработица, коррупция, Северный Кавказ.

Baranov Andrey Vladimirovich

D.Phil. in Political Science, D.Phil. in History,
Professor, Political Science
and Political Management Department,
Kuban State University

MODERN TERRORISM IN THE NORTH CAUCASUS: REASONS, MANIFESTATIONS, COUNTERACTION DIRECTIONS

Summary:

The article defines the main reasons and manifestations of terrorism, indicates directions of counteraction to terrorism in the republics of the North Caucasus (since 2005 until present). The paper determines the efficiency factors of counteracting terrorism in the North Caucasus. The article provides recommendations to the authorities of the Russian Federation in the field of countering terrorism.

Keywords:

terrorism, extremism, reason, counteraction direction, manifestation, ethnic separatism, poverty, unemployment, corruption, North Caucasus.

Экстремизм и терроризм являются ведущей угрозой национальной безопасности России на Северном Кавказе, что доказывается степенью ущерба государству, обществу и гражданам, восприятием данного явления в общественном мнении. Акты политического насилия и целенаправленного устрашения общества имеют на Северном Кавказе в основном религиозную либо этническую идеологическую аргументацию. Поэтому актуальны анализ факторов, выяснение тенденций развития терроризма и приоритетов противодействия терроризму как в диахронном аспекте (на различных этапах), так и в кросс-территориальном сравнении республик российского Кавказа.

Цель статьи – установить основные причины и проявления терроризма, направления противодействия терроризму в республиках Северного Кавказа (с 2005 г. по настоящее время). В данном регионе совершается свыше 85 % всех террористических преступлений на территории Российской Федерации. Хронологические пределы работы определены по критерию уровня угроз терроризма и его преобладающих форм.

Методологической основой исследования причин террористических проявлений выбрана концепция «воронки причинности». Она была разработана американскими политологами (А. Кэмпбеллом, П. Конверсом, У. Миллером и др.) для анализа избирательных кампаний [1], но также дает возможность ранжировать факторы политического процесса, в том числе террористической активности. Низкий уровень промышленного производства, натурализация сельского хозяйства и технологическая отсталость экономики Северного Кавказа повлекли за собой архаизацию общественных институтов и практик. Чрезмерная неконтролируемая рождаемость в республиках Северного Кавказа вкупе с прекращением «отхожих промыслов» вызвали демографическое перенапряжение, безработицу, рост межэтнической конкуренции за престижные статусы и власть. Этноклановая система на Северном Кавказе стала конкурентным преимуществом, как и особенности социокультурных норм поведения – коллективная солидарность, восприятие политики как «конфликта с нулевой суммой», в котором проигравший теряет все и покоряется сильному победителю.

Методологически важна для анализа современного терроризма концепция «сетевой войны» Дж. Аквиллы и Д. Ронфельдта [2, р. 39–84]. Она обосновывает использование децентрализованной сети автономных ячеек для разгрома противника. Сеть состоит из несоподчиненных ячеек, которые свободны в выборе форм и методов борьбы, мобильны, конспиративны, трансграничны. Разгром отдельных звеньев не обеспечивает значительного ослабления действия всей сети, связанной идеологически, а не иерархией лидерства. Данная сеть характерна для «Исламского государства», «Аль-Каиды» и других международных террористических организаций, запрещенных в Российской Федерации [3; 4, с. 16–36].

Необходимо начать с определения основных аналитических категорий – терроризма и экстремизма, раскрыть их взаимосвязь и различия. Терроризм целесообразно определить как идеологию и основанную на ней политику систематического преднамеренного устрашения посредством воздействий на принятие властных решений для достижения противоправных политических интересов. Основными чертами современного терроризма, как теоретически обобщили И.П. Добаев и А.К. Боташева, являются: идеологически мотивированное и организованное насилие, систематическое преднамеренное устрашение общества и государства, повышенный уровень опасности вследствие применения новых видов вооружения и расчета на резонансный эффект устрашения [5, с. 7; 6, с. 25]. Основными видами терроризма на Северном Кавказе в 1990–2010-х гг. следует признать религиозный, этнический и политический. Причем в условиях традиционного общества указанные виды терроризма неразрывно переплетены.

Экстремизм следует трактовать в качестве идеологии и политической практической деятельности, направленных на достижение целей субъектов политики противоправными насильственными методами. Целями экстремизма выступают разрушение существующего общественного и государственного строя, разжигание розни и конфликтов, установление системы дискриминации «врагов» (иноверцев, этнических и мигрантских групп, лиц иных политических взглядов и т. д.). В отличие от терроризма экстремизм может не выражаться в насилии, а ограничиваться словесными призывами к нему.

Ведущей угрозой национальной безопасности в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) выступает диверсионно-террористическая деятельность подполья. Террористическое подполье начало формироваться в республиках Северного Кавказа к началу 1990-х гг. Оно прежде всего суть итог трансформации северокавказского общества после распада СССР. Вследствие архаизации общества и критического ослабления правоохранительных структур в республиках с конца 1980-х гг.: формируются незаконные военизированные организации; внедряются и адаптируются к местным условиям идеологические обоснования терроризма; активно обрабатывается экстремистскими идеями население (прежде всего молодежь); организуется инфраструктура, обеспечивающая деятельность террористических организаций; создается сеть информационных, финансовых, кадровых каналов, ведущих в другие регионы России и зарубежные страны.

Финансовую поддержку террористической деятельности оказывали международные исламистские фонды и террористические организации («Аль-Каида», «Братья-мусульмане», «Хизб ут-Тахрир аль-исламия», «Аль-бадр Маджахедин», «Международный исламский фронт»), финансовые структуры (саудовская организация «Аль-Харамейн», банк «XANP-FIRST REMIT LTD»), а также спонсоры из ряда зарубежных государств (Азербайджана, Египта, Пакистана, ОАЭ, Иордании, Афганистана, Ирана, Турции).

Между обладателями реального влияния – этноклановыми элитами, этнополитическими движениями и радикальными религиозными организациями – сложился обмен ресурсами: экономическими, социальными, политическими, информационными. Основным параметром террористической сети выступает способность к восстановлению кадровых, организационных, инфраструктурных и иных потерь. Это качество обеспечивает постоянное функционирование системы терроризма, ее ресурсное обеспечение.

Радикализация ислама на Северном Кавказе является не самостоятельной причиной насилия, а одним из многофакторных следствий системного экономического и социально-политического кризиса на Северном Кавказе. Политические ориентации части жителей республик, прежде всего молодежи, оказались совместимы с экстремистскими учениями, обеспечивающими идеологию террористического подполья. В условиях политизации и радикализации ислама, а также относительной слабости секулярного проекта модернизации Северного Кавказа усиливается ценностно-идеологическая детерминация экстремизма и терроризма в макрорегионе.

К началу XXI в. базовые компоненты (кадры, инфраструктура, финансирование, идеология) террористического подполья на Северном Кавказе интегрировались в систему. Сформировалась разветвленная, структурированная, самовоспроизводящаяся сеть терроризма, глубоко укорененная в социальные институты. Данная сеть С.Я. Суцим определена в качестве экстремистской системы [7, с. 284–285]. Такая структура опирается на социальные группы, поддерживающие религиозный и этнический экстремизм, сепаратизм, а также применяющие преступные методы своих действий.

Террористические действия совершаются на территории республик Северного Кавказа свыше 25 лет подряд. По оценке полномочного представителя Президента РФ по Южному федеральному округу, за 2006 г. из 112 террористических актов, официально зарегистрированных на территории Российской Федерации, 101 был совершен в пределах ЮФО, в республиках Северного Кавказа [8, с. 390]. В 2009 г. в данном округе совершено 641 преступное посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (годовой прирост числа преступлений составил 30 %) [9, с. 41]. Согласно экспертизе Института международных исследований в Монтерее (США), количество нападений террористов в России выросло на 14 % за 2010 г. и «почти все они произошли на Северном Кавказе» [10].

Статистические сведения о динамике насилия содержатся в пространственно-временном банке данных «Терроризм на Юге России (программа учета акций террористической направленности)» для ЭВМ № 2012612626 от 13 марта 2012 г., созданной под руководством академика Г.Г. Машишова в Южном научном центре РАН (Ростов-на-Дону) и цитируемой Е.М. Горюшиной [11].

С середины 2000-х гг. в зону нестабильности вошли ранее благополучные с точки зрения безопасности регионы, в первую очередь Кабардино-Балкария. Наметился рост активности экстремистского подполья в Карачаево-Черкесии. Набрал обороты терроризм в Дагестане, который ныне является наиболее «взрывоопасной» республикой. Ситуация обостряется в Ставропольском крае, где за 2007–2013 гг. произошел ряд резонансных терактов и межэтнических столкновений. Одновременно значительно улучшилась ситуация с противодействием терроризму в Чеченской Республике, откуда вытеснены крупные бандформирования. Но и здесь ситуация продолжает оставаться напряженной.

Нестабильность носит циклический характер, эскалация терроризма началась в 2007 г. и была приостановлена к лету 2013 г. Рост числа вооруженных столкновений совпадает со временем объединения основных бандформирований под эгидой запрещенной в РФ организации «Имарат Кавказ» в 2007 г. (в настоящее время принесла присягу запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство»). К началу 2010 г. республики Северного Кавказа стали местом активных вооруженных действий, как и в 2000–2005 гг.

В 2008 г. было зарегистрировано 898 актов террористического характера. За 2009 г. их стало больше на 11 % (1009), за 2010 г. отмечен некоторый спад – 974 теракта. В 2011 г. число терактов в СКФО – 597 снизилось почти до уровня 2007 г., когда произошло 508 терактов. Но первые пять месяцев 2012 г. в СКФО показали неутешительные тенденции – 296 акций террористического характера. Среди них в Дагестане совершено 156 терактов (более 31 теракта за месяц), Чечне – 36 (более 7 в месяц), Кабардино-Балкарии – 28 (более 5 в месяц), в Ингушетии – 26 терактов (5 в месяц). Пятый год подряд на Северном Кавказе совершалось в среднем три теракта в день [12].

За полтора года (лето 2010 – начало 2012 г.) в СКФО произошло незначительное снижение суммарной численности бандгрупп и входящих в них активных участников с 1300 чел. (80 бандгрупп) до 1030 чел. (67 бандгрупп). Ежегодные потери террористов высоки – до 400 чел., но они постоянно восполняются [13, с. 73]. Их силы действуют преимущественно мелкими группами, стремясь к максимальному присутствию на значительной территории.

Жертвами террористических атак становятся как представители правоохранительных органов, так и мирные жители. Наиболее тяжелым по числу жертв стал 2010 г. Если в 2008 г. мирных жителей в итоге терактов убитыми и ранеными насчитывалось 360 чел., то в 2010 г. число пострадавших достигло 727 чел. 2011 год стал менее трагичным – 340 жертв терактов среди гражданского населения [14, с. 422–423].

Террористы стремятся вместо боевых столкновений применять подрывы взрывных устройств большой мощности для устрашения (один взрыв каждые два дня). За пять месяцев 2012 г. в пределах Северо-Кавказского федерального округа был совершен 81 подрыв, в том числе в Республике Ингушетия – 18, Чеченской Республике – 9, Кабардино-Балкарии – 7, Ставропольском крае – 3, Северной Осетии – 2. Наиболее сложная ситуация в Дагестане, где число взрывов за пять месяцев 2012 г. достигало 38 [15, с. 423].

Акции террористического характера модифицируются. Нападения тщательно готовятся. Наибольшее распространение получили акции точечного характера, направленные на борьбу с сотрудниками правоохранительных ведомств и госслужащими. Потери убитыми и ранеными сотрудников внутренних войск, МВД, ФСБ, Министерства обороны РФ в Южном федеральном округе возросли с 774 чел. в 2007 г. до 1084 чел. в 2009 г. В 2011 г. число жертв сократилось до 616 чел. Ведутся обстрелы и подрывы государственных зданий, личных автомобилей и частных домовладений. Удельный вес акций такого вида среди противоправных действий составляет 50 %, и этот показатель возрос [16, с. 74]. Под ударом оказываются стратегически важные объекты (подрывы Баксанской и Ирганайской ГЭС в 2010 г., установка взрывных устройств на Ирганайской ГЭС в январе – феврале 2011 г.), газопроводы, вышки связи, ЛЭП и железнодорожные узлы. Удельный вес преступлений такого характера невысок – 5 % [17, с. 75], но они наносят серьезный экономический ущерб, влекут за собой экологические риски, ухудшение инвестиционного фона, политический резонанс.

Террористические организации на Северном Кавказе имеют устойчивую социальную базу, стремясь «омолаживать» свои ряды. Первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета Е.П. Ильин на научно-практической конференции в 2009 г. отметил, что возраст 80 % террористов, преступная деятельность которых была пресечена за последние 4–5 лет, составлял не более 30 лет [18, с. 532; 19]. Из 546 членов незаконных вооруженных формирований, сдавшихся правоохранительным органам за период амнистии, объявленной в сентябре 2006 г. Государственной думой Российской Федерации, около 80 % составили молодые люди в возрасте от 19 до 30 лет. Из 92 ликвидированных в октябре 2005 г. экстремистов – участников вооруженного мятежа в городе Нальчике (Кабардино-Балкарская Республика) 58 были младше 25 лет. Средний возраст обезвреженных за 2005–2007 гг. в Карачаево-Черкесии членов диверсионно-террористической группы А. Гочияева составлял 26–27 лет [20, с. 533; 21].

Основу состава террористических формирований и его пополнение представляют молодые люди, которые наиболее восприимчивы к пропаганде насилия.

Основным очагом распространения терроризма в изучаемый период вместо Чечни стал Дагестан. В период 2008–2012 гг. в республике шло неуклонное ухудшение ситуации. Спецификой Дагестана стали нападения на государственных служащих, духовенство и сотрудников силовых ведомств. По признанию тогдашнего президента РД М.Г. Алиева, за первое полугодие 2009 г. число убитых сотрудников правоохранительных органов выросло с 8 до 22 чел., раскрыто лишь 8 посягательств на их жизнь из 52. В том числе погибли министр внутренних дел РД А.М. Магомедтагиров, министр по информации РД З.С. Арухов и многие другие [22, с. 49–50]. Целями террористов все чаще становятся авторитетные общественные и религиозные деятели, ведущие активную антитеррористическую борьбу. Среди них – влиятельный суфийский шейх Дагестана Саид Чиркейский, погибший во время теракта, совершенного смертницей 28 августа 2012 г. В 2010 г. в регионе произошло 390 терактов, что в 3 раза больше по сравнению с 2008 г. Дагестан вышел на первое место по числу актов террористической направленности (в 2011 г. – 363) и до сих пор сохраняет печальное лидерство [23, с. 421]. В Дагестане к началу 2011 г. число активных боевиков по сравнению с 2010 г. возросло более чем вдвое. Республика была поделена на сектора, в каждом из которых действуют бандгруппы по 10–70 чел. [24, с. 73].

Вторым по значению очагом дестабилизации выступает Республика Ингушетия, где действуют 10 бандгрупп общей численностью 200 чел. [25]. Рост террористической активности в данной республике шел с 2008 г., за 2008–2010 гг. совершено около 1 тыс. терактов. Наиболее нестабильный 2008 год принес 454 акта террористической направленности, в среднем в месяц фиксировалось до 40 боевых столкновений. В 2009 г. число терактов снизилось (403 теракта) [26, с. 421–422], но они стали резонансными: покушение на президента республики Ю.-Б.Б. Евкурова, убийства вице-премьера правительства Б. Аушева и заместителя председателя Верховного суда Республики Ингушетия А. Газгиреевой. В ответ активизированы антитеррористические меры (спецоперации, изъятие оружия и боеприпасов, задержания). Власть пошла на прямой диалог с населением. Постепенное снижение числа насильственных актов (217) в 2010 г. завершилось относительным «умиротворением» республики в 2011 г. (86). Террористическая активность по сравнению с 2008 г. сократилась на 90 % [27, с. 422]. Диалог с обществом и оппозицией в сочетании с давлением на криминальные силы и террористическое подполье позволил приостановить эскалацию терроризма.

Возросли международные угрозы распространения терроризма на Северный Кавказ из очага гражданской войны в Сирии. В Сирии воюют на стороне террористов не менее 2,5 тыс. выходцев из Российской Федерации и 5 тыс. – из стран СНГ [28]. Сообщения об участии чеченцев, ингушей, дагестанцев и крымских татар в сирийской войне появились в апреле 2013 г. Например, в составе бригады «Катаиб Мухаджири» вместе с террористами «Имарата Кавказ» воевал отряд крымских татар. Они были завербованы экстремистской партией «Хизб ут-Тахрир аль-Исламия», запрещенной в России, но открыто действовавшей в Украине. Осенью 2015 г. «крымский джамаат» стал четвертой группировкой боевиков из стран СНГ, которыеполнили филиал «Аль-Каиды» – «Джебхат ан-Нусру» наряду с узбекским батальоном, «Туркменской исламской партией» и группировкой ДМА, состоящей наполовину из выходцев с Северного Кавказа и Средней Азии [29]. Нельзя исключать проникновение террористов из Сирии на Северный Кавказ, первые случаи чего уже отмечены в Дагестане.

Начиная с 2012 г. целенаправленные усилия правоохранительных органов привели к весо-мому снижению уровня угроз терроризма на Северном Кавказе. Свою положительную роль сыграли: смена руководства Северо-Кавказского федерального округа, создание Министерства РФ по делам Северного Кавказа, беспрецедентные меры безопасности, принятые в период подготовки и проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, ликвидация главаря «Имарата Кавказ» Д. Умарова. По расчетам ЮНЦ РАН (Л.Б. Внукова), за 2013 г. – первую половину 2015 г. число террористических акций в Северо-Кавказском федеральном округе сократилось в два раза, наиболее значительно – в Дагестане, Кабардино-Балкарии (в 3 раза) и Карачаево-Черкесии (с 4 до 0 акций) [30, с. 89–91].

Как обоснованно полагает видный конфликтолог В.А. Авксентьев, дело в системе самовос-производства экстремизма и терроризма. Большинство из причин данного явления на Северном Кавказе – долгосрочные и институциональные. В.А. Авксентьев аргументирует, что нерешенные проблемы общероссийского масштаба на Северном Кавказе накладываются на противоречия в межэтнических и конфессиональных отношениях, на исторические конфликты, особую геополитическую значимость приграничного региона [31, с. 253]. Такой научный подход требует ориентироваться на системные факторы политического управления общероссийского масштаба. Нужна кропотливая целенаправленная работа по преодолению глубинных предпосылок терроризма.

Институциональная структура контртеррористической политики РФ, в том числе в СКФО, оформилась в современном виде к 2009 г. Она включает в себя такие институты, как Президент Российской Федерации, Совет безопасности РФ, Национальный антитеррористический комитет, региональные антитеррористические комиссии, оперативные штабы. Важным принципом ее деятельности выступает оперативная межведомственная координация.

Среди направлений контртеррористической политики Российской Федерации применительно к Северному Кавказу доминирует реактивная группа стратегий борьбы с терроризмом – выявление, пресечение и расследование террористических актов, а также минимизация последствий терактов. Менее эффективно и системно проводятся превентивные стратегии предупреждения и профилактики терроризма – выявление и устранение его причин и условий.

Полезны технологии выявления угроз терроризма в информационном пространстве. Следует использовать технологии контрпропаганды, в том числе – социальную рекламу, ведущую к созданию устойчивой гражданской позиции молодежи. Необходимо, чтобы молодой человек, столкнувшийся с экстремистской пропагандой или находящийся в группе риска, создал в своем представлении устойчивый образ неприятия терроризма.

Важной частью формирования общественного мнения может стать технология разоблачения целей лидеров террористических группировок в связи с их криминальной деятельностью, подчеркивающая факт манипулирования исполнителями для достижения личных корыстных целей. Для этого полезно использовать интернет, который является важнейшим источником информации. Следует определить и проводить мониторинг влиятельных сетевых сообществ, выявить принципы взаимодействий в социальных сетях, оценивать их активность деструктивной направленности [32, с. 203–205].

Первоочередной становится задача сделать невыгодным переход от образа жизни законопослушного гражданина к образу жизни террориста. Определяющим становится общественное мнение, так как страх наказания зачастую не сказывается на интенсивности вступления в ряды бандформирований, а ключевым становится факт социальной изоляции, отверженности террориста. Наряду с созданием условий реинтеграции в общество раскаявшихся необходимо применять законные меры насилия к террористам. Мировой опыт противодействия терроризму говорит о широком использовании программ, нацеленных на изменение восприятия людей, вовлеченных в террористическую деятельность или разделяющих идеи террористов. Программы нацелены на возврат таких людей в общество вследствие их отказа от террористической идеологии и получения социальных гарантий, которые могут позволить жить в рамках закона.

Сейчас в трех республиках Северного Кавказа: Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии – действуют комиссии по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность [33, с. 21]. Работа комиссии основана на принципах восстановительного правосудия, взаимодействию с семьями боевиков как дополнительном способе убеждения по возвращению к мирной жизни. Комиссия должна стать посредником между членами террористических групп и государством, пользующимся доверием со стороны населения и правомочным гарантировать безопасность вышедшим на контакт участникам незаконных военизированных формирований (НВФ).

В Дагестане комиссия по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность, работает с ноября 2010 г., в Ингушетии – с сентября 2011 г. Так, в Дагестане комиссию возглавил вице-премьер правительства РД Р. Курбанов, в ее состав вошли имам Центральной мечети города Махачкалы М.-Х.С. Саадуев [34, с. 21–22]. Степень доверия населения к комиссии может увеличить включение в ее состав авторитетных общественных деятелей и правозащитников. За время работы комиссии в Дагестане зарегистрировано свыше 30 явок с повинной [35, с. 80]. В январе 2012 г. указом главы КБР создана комиссия по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, принявшим решение о прекращении террористической и экстремистской деятельности. Возглавил комиссию секретарь Совета по экономической и общественной безопасности КБР Р. Ешугаев. Программы адаптации могут стать одним из важных факторов предотвращения терроризма.

Подведем итоги исследования. К основным причинам, способствующим росту терроризма в Северо-Кавказском федеральном округе, следует отнести:

- политические факторы, основанные на борьбе за власть этнократических элит, этнополитических движений;
- социально-экономические факторы: низкий уровень жизни, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, распространение теневых форм занятости и клановых группировок;
- социокультурные факторы: архаизация северокавказского регионального сообщества, рост религиозности населения в радикализованных и политизированных формах.

Пока не ликвидированы причины и условия, способствующие возникновению террористических проявлений, рост насилия неизбежен. Чтобы улучшить положение, следует существенно повысить эффективность политических технологий противодействия терроризму, которые должны реализовываться органами государственной власти и местного самоуправления, депутатами всех уровней, СМИ, руководством предприятий и учреждений, поскольку факторы, детерминирующие терроризм, в основном формируются в их сфере ответственности. Решение политических проблем является определяющим и способно сузить социальную базу терроризма. Следует разработать и реализовать комплекс мер по противодействию вовлечения молодежи в террористическую деятельность.

Система мер противодействия терроризму и экстремизму на Северном Кавказе должна включать в себя целенаправленное преодоление массовой безработицы, коррупции, низкого доверия к органам государственной власти. Нужно реализовать формирование новых политико-

административных элит в регионе, знающих особенности управления и прежде всего верных Российскому государству.

Необходимо минимизировать действие факторов, детерминирующих терроризм. Возрастает роль взаимодействий органов государственной власти, партий, общественных объединений, религиозных организаций, средств массовой информации, законопослушных граждан. Главное условие эффективной борьбы с терроризмом – профилактика должна быть адресно нацелена на сокращение проявлений социального протеста, действующих как «триггеры насилия» в республиках Северного Кавказа. Этнокультурные и общественные объединения, религиозные организации, интернет-провайдеры на основе Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации должны вовлекаться в совместную с органами государственной власти деятельность по развитию межэтнического и межконфессионального диалога, противодействию экстремизму, этнической и религиозной нетерпимости.

Эффективность противодействия терроризму на Северном Кавказе определяется такими политическими факторами, как: целеполагание стратегий федеральной и региональных элит, соблюдение принципов контртеррористической политики и процедур принятия политико-властных решений, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, умение органов власти оперативно реагировать на изменения террористических угроз, эффективность экспертно-аналитической системы мониторинга, прогнозирования террористических угроз и их устранения.

Ссылки:

1. The American voter / A. Campbell, Ph.E. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes. 2nd ed. Chicago, 1980.
2. Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Networks, netwar and information-age terrorism // Countering the new terrorism / ed. by I.O. Lesser, B. Hoffman, J. Arquilla, D. Ronfeldt, M. Zanini. Santa Monica, 1999. P. 39–84.
3. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008.
4. Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. М., 2006. С. 16–36.
5. Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. М. ; Ростов н/Д., 2011. С. 7.
6. Боташева А.К. Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегии противодействия : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Краснодар, 2009. С. 25.
7. Суций С.Я. Северный Кавказ. Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013. С. 284–285.
8. Современный политический экстремизм / рук. авт. кол. А.-Н.З. Дибиров, Г.К. Сафаралиев. Махачкала, 2009. С. 390.
9. Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность ... С. 41.
10. Феррис-Ротман Э. Мусульманский юг России – убежище для мятежников («The Washington Post», США) [Электронный ресурс // ИноСМИ. 2011. 8 февр. URL: <http://www.inosmi.ru/social/20110208/166328148.html> (дата обращения: 19.04.2017).
11. Горюшина Е.М. Изменения международной конъюнктуры и внутренняя нестабильность на Северном Кавказе [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/02/14_Goriuchina.pdf (дата обращения: 25.03.2017).
12. Пащенко И.В. Радикальные вызовы российскому федерализму на Северном Кавказе // Национальная политика и модернизация системы управления на Юге России: исторический опыт и современные вызовы. Ростов н/Д., 2012. С. 419–425.
13. Пащенко И.В. Диверсионно-террористическое подполье как угроза модернизации Северного Кавказа // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию. Ростов н/Д., 2012. С. 73.
14. Пащенко И.В. Радикальные вызовы ... С. 422–423.
15. Там же. С. 423.
16. Пащенко И.В. Диверсионно-террористическое подполье ... С. 74.
17. Там же. С. 75.
18. Воронцов С.А. Экстремизм – одна из основных угроз российской государственности в региональном политико-правовом пространстве Юга России // Приоритетные направления Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ростов н/Д., 2011. С. 512–537.
19. Добаев И.П. Северокавказский терроризм в контексте национальной и региональной безопасности России [Электронный ресурс]. URL: http://www.geopolitica.ru/article/severokavkazskiy-terrorizm-v-kontekste-nacionalnoy-i-regionalnoy-bezopasnosti-rossii/#.WNzZ12_ygdU (дата обращения: 25.03.2017).
20. Воронцов С.А. Указ. соч. С. 533.
21. Добаев И.П. Северокавказский терроризм ...
22. Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность ... С. 49–50.
23. Пащенко И.В. Радикальные вызовы ... С. 421.
24. Пащенко И.В. Диверсионно-террористическое подполье ... С. 73.
25. Там же.
26. Пащенко И.В. Радикальные вызовы ... С. 421–422.
27. Там же. С. 422.
28. Современный политический экстремизм.
29. Крымско-чеченский «джихад» в Сирии [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 2015. 10 окт. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/10/10/krymsko-chechenskij-dzhihad-v-sirii-35976.html> (дата обращения: 15.10.2015).
30. Внукова Л.Б. Динамика криминально-террористической активности в СКФО и трансформация бандподполья (2013 г. – июнь 2015 г.) // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья : материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 29–30 сент. 2015 г.). Ростов н/Д., 2015. С. 89–95.
31. Авксентьев В.А. Функциональность этнополитического конфликта: ограничения и возможности (Опыт системного менеджмента на Северном Кавказе) // Модернизация как управляемый конфликт. М., 2012. С. 249–259.
32. Юрченко И.В. Теоретико-методологические проблемы исследования идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве полиэтничного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10. С. 203–205.
33. Гаджибеков Р.Г. Внутренние факторы влияния на процессы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2013.
34. Там же. С. 21–22.
35. Пащенко И.В. Диверсионно-террористическое подполье ... С. 80.

References:

- Arquilla, J, Ronfeldt, D, Zanini, M, Lesser, IO, Hoffman, B, Arquilla, J, Ronfeldt, D & Zanini, M (eds.) 1999, 'Networks, netwar and information-age terrorism', *Countering the new terrorism*, Santa Monica, pp. 39–84.
- Avksentiev, VA 2012, 'Functionality of ethno-political conflict: limitations and opportunities (Experience of system management in the North Caucasus)', *Modernizatsiya kak upravlyayemyy konflikt*, Moscow, pp. 249-259, (in Russian).
- Botasheva, AK 2009, *Terrorism as a factor of modern political processes: determination, manifestations, counteraction strategies*, D.Phil. in Political Science thesis abstract, Krasnodar, p. 25, (in Russian).
- Campbell, A, Converse, PhE, Miller, WE & Stokes, DE (eds.) 1980, *The American voter*, 2nd ed., Chicago.
- 'Crimean-Chechen "jihad" in Syria' 2015, *Fond strategicheskoy kul'tury*, October 10, viewed 15 October 2015, <<http://www.fondsk.ru/news/2015/10/10/krymsko-chechenskij-dzhihad-v-sirii-35976.html>>, (in Russian).
- Dibirov, A-NZ, Safaraliev, GK 2009, *Contemporary political extremism*, Makhachkala, p. 390, (in Russian).
- Dobaev, IP 2011, *Terrorism and anti-terrorist activities in the South of Russia*, Moscow, Rostov-on-Don, p. 7, (in Russian).
- Dobaev, IP 2017, *North Caucasian terrorism in the context of national and regional security of Russia*, viewed 25 March 2017, <http://www.geopolitica.ru/article/severokavkazskiy-terrorizm-v-kontekste-nacionalnoy-i-regionalnoy-bezopasnosti-rossii/#.WNz12_ygdU>, (in Russian).
- Ferris-Rotman, E 2011, 'The Muslim South of Russia is a refuge for the rebels (The Washington Post, USA)', *InoSMI*, February 8, viewed 19 April 2017, <<http://www.inosmi.ru/social/20110208/166328148.html>>, (in Russian).
- Gadzhibekov, RG 2013, *Internal factors of influence on processes of politicization and radicalization of Islam in the Russian Federation*, PhD in Political Science thesis abstract, Rostov-on-Don, (in Russian).
- Goryushina, EM 2017, *Changes in the international conjuncture and internal instability in the North Caucasus*, viewed 25 March 2017, <http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/02/14_Goriuchina.pdf>, (in Russian).
- Pashchenko, IV 2012a, 'Diversionary terrorist underground as a threat to the modernization of the North Caucasus', *Realii mnogoukladnogo makroregiona: potentsial obnovleniya i prepyatstviya razvitiyu*, Rostov-on-Don, p. 73, (in Russian).
- Pashchenko, IV 2012b, 'Radical challenges for Russian federalism in the North Caucasus', *Natsional'naya politika i modernizatsiya sistemy upravleniya na Yuge Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennyye vyzovy*, Rostov-on-Don, pp. 419-425, (in Russian).
- Seijman, M 2008, *Network structures of terrorism*, Moscow, (in Russian).
- Soloviev, EG 2006, *Transformation of terrorist organizations in the context of globalization*, Moscow, pp. 16-36, (in Russian).
- Sushchiy, SYa 2013, *North Caucasus. Realities, problems, prospects of the first third of the XXI century*, Moscow, pp. 284-285, (in Russian).
- Vnukova, LB 2015, 'Dynamics of criminal and terrorist activity in the North Caucasus Federal District and the transformation of the bandit underground (2013 – June 2015)', *Problemy politicheskogo makroregiona v usloviyakh destabilizatsii Kaspiysko-Chernomorskogo zarubezh'ya: materialy Vseros. nauch. konf. (Rostov-na-Donu, 29–30 sent. 2015 g.)*, Rostov-on-Don, pp. 89-95, (in Russian).
- Vorontsov, SA 2011, 'Extremism is one of the main threats to Russian statehood in the regional political and legal space of the South of Russia', *Prioritetnyye napravleniya Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii*, Rostov-on-Don, pp. 512-537, (in Russian).
- Yurchenko, IV 2012, 'Theoretical and methodological problems of researching extremist ideology in political and informational space of the multi-ethnic region', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 10, pp. 203-205, (in Russian).